

ИЗВЕСТИЯ

Дагестанского государственного педагогического университета

Научный журнал
Общественные и гуманитарные науки
№1(10), 2010

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (решение Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6)

Учредитель журнала: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Дагестанский государственный педагогический университет». Издаётся по решению ученого совета ДГПУ с 2007 г. Периодичность – 4 номера в год.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34896 от 25 декабря 2008 года

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Редакционная коллегия журнала:

Маллаев Д.М. (гл. редактор),
Атаев З.В. (зам. гл. редактора),
Акавов З.Н.,
Геллер Э.С.,
Джамалудинов Г.М.,
Караханов М.Н.,
Лебедева В.Г.,
Магомедов Г.М.,
Османов А.И.,
Халидова Р.Ш.,
Хашпалаев А.Ю.,
Эльдарова Н.М.

Редакционный совет серии «Общественные и гуманитарные науки»:

Акавов З.Н. (председатель),
Абдуллаев А.А.,
Абукв К.И.,
Адзиев Х.Г.,
Алексеев М.Е.,
Алипулатов И.С.,
Гаджихамедов Н.Э.,
Гаджиев Э.Н.,
Гасанов М.Р.,
Геллер Э.С.,
Дибиров И.А.,
Кадимов Р.Г.,
Караханов М.Н.,
Мусаева Н.Ф.,
Насилов Д.М.,
Нурмагомедов М.М.,
Османов А.И.,
Раджабов И.М.,
Султанов К.К.,
Эмирова М.Н.

Алдерова С.А.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА ИЗ ЧИСЛА НАРОДНОСТЕЙ ДАГЕСТАНА (70-80-е годы XX в.) 5

Аюбова Ш.И.

РОЛЬ РАБОЧИХ ФАКУЛЬТЕТОВ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ИЗ ЧИСЛА РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН ДАГЕСТАНА 11

Беркиханов М.С.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ САЛАТАВСКИХ АВАРЦЕВ И ЗАСУЛАКСКИХ КУМЬКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 15

Магомеддадаев А.М., Амирова З.М.

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВОССТАНИЯ 1877 ГОДА В ДАГЕСТАНЕ В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННИКОВ И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 20

Маллаева З.Г.

ВОЗРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РЫБНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДАГЕСТАНА+ В 20-е ГОДЫ XX В. 32

Мамаев М.И.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ. 37

Миронова Н.В.

О ШЕЛКОТКАЦКОМ И ХЛОПКОТКАЦКОМ ПРОМЫСЛАХ НАРОДОВ РАВНИННОГО И ПРЕДГОРНОГО ДАГЕСТАНА В XIX ВЕКЕ 40

Суздалъцева И.А.

О ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОТНОШЕНИИ АРМЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИТЕРЕЧЬЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА 45

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бар-Йосеф Хамуталь

ЖИЗНЬ ХАИМА НАХМАНА БЯЛИКА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИДЕЕ 49

Зиявудинова А.А.

ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ ВИДА В АВАРСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ 65

© Авторы статей, 2010
© Дагестанский государственный педагогический университет, 2010

По вопросам публикации статей обращаться в редакцию:
367003 РД, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 57. Редакционно-издательский отдел ДГПУ
Тел.: (8722) 561252, 89094847589; e-mail: nauka_dgpu@mail.ru www.dgpu.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 82.08:159.9

ЖИЗНЬ ХАИМА НАХМАНА БЯЛИКА В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИЙ В РОССИИ И ЕГО ОТНОШЕНИЕ К РЕВОЛЮЦИОННОЙ ИДЕЕ

© 2010 Бар-Йосеф Хамуталь
Университет Бен-Гуриона

Хаим Нахман Бялик (1873-1934), поэт, один из основателей современной литературы на иврите, жил в России, большей частью в Одессе, в период трех революций – 1905 года, Февральской и Октябрьской и лично стал свидетелем революционных событий и их влияния на еврейскую жизнь. Статья анализирует влияние русских революций на его творчество и мировоззрение.

Khaim Nakhman Byalik (1873-1934) is a poet, one of the founders of the modern Hebrew literature. He lived mostly in Russia the three revolutions, in the year of 1905, and February and October ones. He personally witnessed the revolutionary events and their impact on the Jewish life. The author of the article examines the impact of Russian Revolutions on his work and worldview.

Ключевые слова: Х. Н. Бялик, еврейский поэт, Октябрьская революция, русская революция, эстетика, символизм.

Keywords: Kh.N. Byalik, Jewish poet, October Revolution, Russian Revolution, aesthetics, symbolism.

Как известно, среди лидеров движения, приведшего к падению царского режима в России и к Октябрьской революции, было немало евреев. Революционное движение пробудило в российских евреях, особенно в евреях образованных, близких к «народничеству», утопические надежды на улучшение положения евреев в России будущего [32, 42]. Русская революция и ее влияние на еврейскую жизнь вызвали значительный резонанс в литературе на иврите, которая развивалась под влиянием русской литературы и ее революционных идей [41].

Хаим Нахман Бялик (1873-1934), поэт, один из основателей современной литературы на иврите, жил в России,

большой частью в Одессе, в период трех революций – 1905 года, Февральской и Октябрьской. Он лично пережил события русской революции, и она оказала прямое воздействие на его жизнь. Наряду с сочинениями, написанными в этот период, но не связанными с событиями тех лет, в творчестве Бялика можно найти произведения, отражающие его отношение, чаще всего отрицательное, к русской революции и к революции вообще как к исторической и политической идее.

Жизнь Бялика в период трех революций

Летом 1905 года Бялик вернулся в Одессу после полутора лет, проведенных в Варшаве [32. С. 54–55]. Здесь он

продолжал писать стихи («Ха-бреиха» – «Пруд», «Ахнисини тахат кнафех» – «Укрой меня своим крылом») и вернулся к работе в издательстве «Мория», обеспечивавшей поэту средства к существованию [26. С. 512]. В 1905 году Одесса была во власти вооруженных банд, осуществлявших «экспроприацию экспропрированного» как под знаком подготовки к революции, так и в виде обыкновенных грабежей [32. С. 57]. В июне 1905 года, во время бунта «Потемкина», были подожжены нефтяные склады Одесского порта. По словам Бялика, это зрелище вдохновило его на написание пролога к поэме «Мегилат ха-эш» («Огненный свиток») [6. Т. 2. С. 26]. 18 октября Бялик и Равницкий проводили до Одесского порта Ш. Бен-Циона, уезжавшего в Палестину. На книжке, подаренной Бен-Циону, Бялик написал:

«Одесса, 2-е число месяца Хешвана, 5666 год от сотворения мира

*18 октября, Первый день Конституции
В кровавой России, ныне обретающей
свободу,*

*В час, когда возгласы «Ура» слышны
на всех шумных улицах»* [26. С. 512].

Это посвящение относится к принятию в 1905 году Конституции, пробудившей немало надежд в сердцах одесских евреев, так как, кроме прочего, в ней говорилось об отмене действовавшей в России с 1797 года цензуры на произведения, написанные с использованием древнееврейского алфавита. Но уже на следующий день в Одессе произошел погром, который спустя две недели Бялик описал в письме к Бен-Циону в Палестину: «(У нас) убийства, разрушение и разорение. Как только мы вернулись с корабля, начались убийства и погромы, продолжавшиеся до субботы. Результаты погромов приблизительно таковы: около четырехсот убитых евреев (более трехсот я видел своими глазами и сосчитал во время погребения), тысячи раненых и сорок тысяч остались на улице, голые и босые. Это в Одессе, а что натворили в других городах!» [5. С. 2].

Хотя погром был организован в основном на Молдаванке, в квартале еврейской бедноты, далеко от Малоарнаутской, 9, где жил Бялик, он, как и все еврей города, в эти дни не выходил из

дома. На третий, самый тяжелый день погрома он попытался убедить жившего в том же доме Равницкого продолжить работу над «Сефер Ха-Агада», «...но в таком подавленном настроении работа не двигалась с места, и вскоре они были вынуждены ее прекратить» [26. С. 513; 38. С. 106]. 26 октября 1905 года по следам погрома Бялик писал своему другу, проживавшему в Женеве, писателю Мордехаю Бен-Ами: «Наши тела и имущество остались целы, но только не наши сердца. Над нашими головами висит меч, в любой момент готовый к резне» [5. С. 1].

Бялик был одним из редакторов «Мегилат Таанит» («Скорбный свиток»), опубликованного в память жертв одесского погрома, и написал стихотворение в память убиенных. В 1906 году он издал два сборника: на иврите «Ми-ширей ха-заам» («Из Песен гнева») и на идише «Фон цар ун цорн» («О горе и гневе»), составленных из стихотворений, выражающих его гнев по поводу положения евреев России.

Еще в течение нескольких месяцев после погрома в Одессе продолжались забастовки и волнения. Однако Бялик, как и многие другие евреи, не принимал никакого участия в этой бурной деятельности, что только усиливало его угнетенное состояние: «Само собой разумеется, что эта работа (революция) осуществляется другими, а мы, утонченная молодежь..., – в стороне. Мы заперты в комнате, толкаемся и ничего не делаем. Тоска, тоска» [там же. С. 3]. Это ощущение тоски еще усиливалось из-за увеличившейся эмиграции одесских евреев, среди которых было много писателей – друзей Бялика [там же]: Бен-Цион эмигрировал в Палестину; Менделе, по рекомендации врачей, уехал в Женеву; Бен-Ами тоже поселился в Женеве, а Дубнов переехал в Вильну еще в 1903 году. Бялик жаловался Бен-Циону: «Одесса пустеет. Пятьдесят тысяч человек оставили город и уехали за границу» [там же. С. 5]. Весь этот период поэтом владело чувство тоски, отчаяния, поражения и беспомощности, вызванное «надвигающимися на нас бедствиями» и влиянием различных партий на движение Еврейского возрождения: «О чем еще тебе поведать? Здесь есть бундисты, сионисты и их

«...невозможные сочетания — чтоб их всех поглотила геенна огненная. Гниль, грязь и зараза. Не осталось нам больше надежды, Бен-Ами, не осталось нам ни смерти, ни жизни, а только вечные муки ада» [там же. С. 11]. К беспокойству о состоянии движения национального возрождения добавлялись страхи по поводу смены власти и возмущение усилением идишистов и увеличением газет на идиш. Несмотря на то что в 1906 году на праздновании в Одессе 70-летия Менделе Мойхер-Сфорима Бялик выступил с оптимистической речью о положении еврейского народа и о его способности созидать, вопреки «занесенному над нашими головами топору» [30], в личных письмах он продолжал жаловаться на депрессию и неспособность писать [5. С. 46–47].

В годы первой мировой войны жизнь евреев Одессы была относительно спокойной: кафе были переполнены, торговля и коммерция процветали, и даже культурная жизнь города кипела, оживляемая, в частности, гастролями артистов со всего мира [31. С. 75].

В то же время все мужчины города были мобилизованы, кроме тех, кто был занят на оборонительных работах и в военных учреждениях. Бялик не подлежал мобилизации по возрасту, но должен был работать служащим на фабрике по несколько часов в день (вместе с ним работал и Фихман) [4. С. 29]. И все-таки эхо войны достигло Одессы: с целью укрепления морального духа жителей в ней проводились военные парады с участием царской семьи [31. С. 79–80].

Военный режим, объявленный 5 июня 1915 года, запрещал печать и даже личную переписку на еврейском алфавите в местности, примыкающей к фронту, которая включала в себя весь район черты оседлости, в том числе и Одессу. Этот запрет угрожал парализовать издательскую и типографскую деятельность «Мория» и усугубил материальные трудности Бялика.

Февральская революция 1917 года прошла в Одессе без всяких беспорядков. В городе царил приподнятая атмосфера, чему в особенности способствовали указы Керенского (тогда министра юстиции) освободить политических заключенных, среди которых бы-

ло много сионистов, обеспечить равные права с остальным населением и отменить все антиеврейские законы [там же. С. 96]. Отменен был и запрет на еврейскую печать, что позволило выпустить в свет альманах «Кнессет» под редакцией Бялика. Альманах включал в себя большинство произведений, написанных поэтом во время войны: стихи «Ийе хелки имахем» («Да будет моя участь такой, как ваша»), «Эхад эхад у-вэ-эйн роэ» («Один, один, и невидимо»), «Хециц ва-мет» («Взглянул и умер») и «Ла-менацеах ха-мехолот» («Дирижеру плясок»), рассказ «Ха-хацофра нитбайша» («Трубе было стыдно») и очерки «Халаха вэ-Агада» («Галаха и Агада») и «Гилуй вэ-кисуй ба-лашон» («Открытие и сокрытие в языке»). Стал возможен также выход в свет сборника «Оламейну» («Наш мир») (июль 1917) под редакцией М. Гликсона, в котором были опубликованы стихотворение Бялика «Халфа аль панай» («Прошла мимо меня») и две заметки из «Решимот ки-леахар яд» («Небрежные заметки»): «Ле-мемшелет ха-марш» («Правительству марша») и «Меуват ло юхаль литкон» («Испорченный не сможет исправить»).

По сравнению с относительным спокойствием в Одессе после Февральской революции Октябрьская революция принесла жителям города, и особенно евреям, месяцы невыносимых страданий. Город несколько раз переходил из рук в руки, и каждая смена власти сопровождалась беспорядками и кровопролитием. Городом попеременно владели: солдаты Керенского, большевики, австрийцы, немцы, французы, армия Деникина, батальоны Скоропадского, отряды Петлюры и другие банды. В период правления Деникина жизнь Бялика находилась в опасности, так как его зять, Ян Гамарник, муж Блюмы, которая приходилась сестрой жене поэта Мане, был генералом Красной Армии. Деникинцы арестовали Бялика, но один из офицеров, которого Бялик в свое время прятал от большевиков, спас его [14. С. 120].

Вскоре после установления власти большевиков в Одессе культурная деятельность на иврите стала преследоваться и начались аресты подозреваемых в сионизме. По свидетельству оче-

просить о разрешении нам выезда из России в Палестину.

Все мы – работники в области науки и литературы исключительно на т.н. древнееврейском «библейском» языке, и в этой работе мы провели всю жизнь. Ниже помещаем подробную литературную характеристику каждого из нас. Во многих отношениях мы представляем тесно сплоченную группу, осуществляем часто совместные, коллективные труды по лексикографии, историографии и т.п. и объединены общим планом литературных заданий.

Уже с начала войны наше положение все более ухудшается и силой самих событий складывается во вред и нам лично, и всему тому культурному делу, которому мы служим. Запрещение царским правительством еврейского слова вообще, гражданская война и сопутствующие ей ужасы, разруха транспорта, сепаратизм частей государства с наибольшим еврейским населением, налеты всевозможных банд и, наконец, всеразрушающие погромы – все это постепенно уничтожает налаженную еврейскую культурную жизнь и лишает нас общения с читающим нас миром как в России, так и в других странах.

Но и с успокоением страны перспективы для нас не становятся лучшими. По целому ряду объективных условий мы на долгое время лишены возможности реализовать нашу энергию и труды на нашем поприще. Нет у нас ни издательских институтов, ни технических средств к изданию, ни общения с читающим нас миром; мы обречены на полное бездействие и прозябание, что представляет одинаковый ущерб как для нас самих, так и для дела культуры вообще. Мы смело можем сказать, что в нашей среде творятся ценности высокого культурного, подчас даже мирового значения.

В это же время в Палестине наш язык живет и для нашей научной и литературной на нем деятельности есть широчайший простор. Там есть публика, в нас нуждающаяся и в которой мы нуждаемся. Есть и объективные условия, позволяющие нам продолжать и развивать нашу обычную деятельность.

Мы не сомневаемся, что советская власть, чуткая к запросам человеческой культуры в ее чистейшем проявлении,

дорожащая ее ценностями, где бы они ни творились, даст нам возможность посвятить нашу дальнейшую жизнь излюбленному делу науки и литературы на родном для нас языке и реализовать наши труды, накопленные за последние 7 лет, без этого обреченные на безвозвратную гибель.

Мы просим:

1) Выдать нам просимые разрешения на выезд из России в Палестину вместе с членами наших семейств, материально от нас зависящими и во многих случаях нам помогающими в нашей работе.

2) Предоставить нам возможность выбрать наикратчайший путь следования. У нас средства слишком ничтожны, чтобы пуститься в дальнее круговое путешествие, и нужно поэтому выбрать наиболее краткий и прямой путь. В этом смысле важны для нас в последовательном порядке следующие пункты: Одесский порт, откуда можем уехать на одном из прибывающих туда пароходов; одна из сухопутных границ Румынии или Польши; и, наконец, через Латвию или Эстонию. Мы просим предоставить нам самим выбор в зависимости от возможностей.

3) Разрешить нам вывозить с собой накопившиеся у нас рукописи и неиспользованные матрицы собственных наших сочинений на древнееврейском языке, а также наши рабочие библиотеки, состоящие преимущественно из книг на древнееврейском языке или по специальным вопросам на других языках, без которых работа литератора невозможна.

Москва, 2 апреля 1920 г.¹

Через несколько дней после подачи прошения Бялик и Клейман были при-

¹ На самом деле документ был составлен в 1921 году, а 1920 записан по ошибке. К прошению прилагаются список писателей, «принадлежащих к нашей группе», и «литературные характеристики» каждого из них. Список возглавляет Х. Н. Бялик – «поэт, лексикограф, литературовед», и далее следуют имена М. Б. Клеймана, А. Г. Друянова, И. Х. Равницкого, Ш. Черниховского, А. М. Рабиновича (Литаи), М. Г. Семицкого, А. Иерусалимского, Б. З. Динабурга (Динура), А. М. Фейерштейна (Авигдора Хамаири), Г. Л. Войславского и Х. Виленского. Единственным не выехавшим из России вместе с группой был Черниховский, который остался в России еще на один год.

просить о разрешении нам выезда из России в Палестину.

Все мы – работники в области науки и литературы исключительно на т.н. древнееврейском «библейском» языке, и в этой работе мы провели всю жизнь. Ниже помещаем подробную литературную характеристику каждого из нас. Во многих отношениях мы представляем тесно сплоченную группу, осуществляем часто совместные, коллективные труды по лексикографии, историографии и т.п. и объединены общим планом литературных заданий.

Уже с начала войны наше положение все более ухудшается и силой самих событий складывается во вред и нам лично, и всему тому культурному делу, которому мы служим. Запрещение царским правительством еврейского слова вообще, гражданская война и сопутствующие ей ужасы, разруха транспорта, сепаратизм частей государства с наибольшим еврейским населением, налеты всевозможных банд и, наконец, всеразрушающие погромы – все это постепенно уничтожает налаженную еврейскую культурную жизнь и лишает нас общения с читающим нас миром как в России, так и в других странах.

Но и с успокоением страны перспективы для нас не становятся лучшими. По целому ряду объективных условий мы на долгое время лишены возможности реализовать нашу энергию и труды на нашем поприще. Нет у нас ни издательских институтов, ни технических средств к изданию, ни общения с читающим нас миром; мы обречены на полное бездействие и прозябание, что представляет одинаковый ущерб как для нас самих, так и для дела культуры вообще. Мы смело можем сказать, что в нашей среде творятся ценности высокого культурного, подчас даже мирового значения.

В это же время в Палестине наш язык живет и для нашей научной и литературной на нем деятельности есть широчайший простор. Там есть публика, в нас нуждающаяся и в которой мы нуждаемся. Есть и объективные условия, позволяющие нам продолжать и развивать нашу обычную деятельность.

Мы не сомневаемся, что советская власть, чуткая к запросам человеческой культуры в ее чистейшем проявлении,

дорожащая ее ценностями, где бы они ни творились, даст нам возможность посвятить нашу дальнейшую жизнь излюбленному делу науки и литературы на родном для нас языке и реализовать наши труды, накопленные за последние 7 лет, без этого обреченные на безвозвратную гибель.

Мы просим:

1) Выдать нам просимые разрешения на выезд из России в Палестину вместе с членами наших семейств, материально от нас зависящими и во многих случаях нам помогающими в нашей работе.

2) Предоставить нам возможность выбрать наикратчайший путь следования. У нас средства слишком ничтожны, чтобы пуститься в дальнее круговое путешествие, и нужно поэтому выбрать наиболее краткий и прямой путь. В этом смысле важны для нас в последовательном порядке следующие пункты: Одесский порт, откуда можем уехать на одном из прибывающих туда пароходов; одна из сухопутных границ Румынии или Польши; и, наконец, через Латвию или Эстонию. Мы просим предоставить нам самим выбор в зависимости от возможностей.

3) Разрешить нам вывозить с собой накопившиеся у нас рукописи и неиспользованные матрицы собственных наших сочинений на древнееврейском языке, а также наши рабочие библиотеки, состоящие преимущественно из книг на древнееврейском языке или по специальным вопросам на других языках, без которых работа литератора невозможна.

Москва, 2 апреля 1920 г.¹

Через несколько дней после подачи прошения Бялик и Клейман были при-

¹ На самом деле документ был составлен в 1921 году, а 1920 записан по ошибке. К прошению прилагаются список писателей, «принадлежащих к нашей группе», и «литературные характеристики» каждого из них. Список возглавляет Х. Н. Бялик – «поэт, лексикограф, литературовед», и далее следуют имена М. Б. Клеймана, А. Г. Друянова, И. Х. Равницкого, Ш. Черниховского, А. М. Рабиновича (Литаи), М. Г. Семицкого, А. Иерусалимского, Б. З. Динабурга (Динура), А. М. Фейерштейна (Авигодора Хамаири), Г. Л. Войславского и Х. Виленского. Единственным не выехавшим из России вместе с группой был Черниховский, который остался в России еще на один год.

ка *Кнессет*, выпедшего в Одессе в 1917 году. В этом обращении выражается надежда, что после многолетней царской цензуры на любое проявление еврейского национального самосознания голос еврейского народа наконец-то сможет быть услышан всеми. Бялик объяснял, что только из-за «особых условий», существовавших в период издания сборника, то есть из-за действовавшей в период войны военной цензуры, в сборник не были включены статьи на злободневные темы: «Я должен сказать, что в такие дни, подобных которым не знали евреи со времен Адриана и крестовых походов, лучше молчать, чем выражаться невнятно».

Как было сказано, оптимизм рассеялся довольно быстро. 20 июня 1918 г. в письме к находящемуся в Вене Аврааму Бен-Ицхаку (Зонэ) Бялик писал: «Как дела (дословно: мир, покой – прим. переводчика) у нас и у российских евреев? – Нет покоя! Но еще больше страх перед тем, что случится в будущем – и нет сомнений, что случится» [5. С. 189–190]. И действительно, жестокие расправы с евреями, произошедшие в России во время революции и особенно во время гражданской войны, а также постоянно возрастающие ограничения на литературную деятельность на иврите со стороны Евсекции усилили негативное отношение Бялика к советской власти.

Об Октябрьской революции Бялик также судил по степени ее влияния на популярность антисемитизма в России. Давид Варди, один из актеров Габимы московского периода, рассказывает о реакции Бялика, когда весной 1921 года ему рассказали, что на Лубянской площади какой-то антисемит крикнул прохожему еврею: «Жид!» и убежал. Лицо Бялика просветлело, и он сказал: «Наше счастье, что мы дожили до того времени, когда после долгих лет самодержавия и черносотенного режима антисемит в Москве смертным страхом боится [...] назвать еврея «жидом»! Дни Мессии еще наступят! От этих большевиков нам еще придет спасение. Ведь они, в конце концов, исполняют чаяния наших пророков. Кто еще так, как наши пророки, ненавидел господ и заступался за бедных? С каждым днем во мне крепнет убеждение, что мы должны согласиться с ними. Только одно

меня удерживает: путь, который они выбрали для исполнения своих законов, не соответствует нашему духу. Ужасный путь – это не наш путь. Их жестокость! Их справедливость! Но ужаснее всего – их Чека!» [13]. Реальные факты доказали Бялику, что революция не изменила поведения русских, знакомого ему еще по дореволюционному периоду. Все лозунги о новой морали, сопровождавшие революцию, не вызывали у него никаких иллюзий по поводу нравственности советской власти. Когда на палубе корабля, везшего его из Одессы в Кушту, Бялик услышал о подавлении большевиками беспорядков в Красной Армии, он не слишком удивился и сказал: «Если они [большевики] сочтут полезным для себя организовать погромы, никакие моральные принципы их не остановят» [17. С. 598].

Бялик также опасался, что увлеченность некоторых образованных евреев русскими политическими и культурными движениями приведет их к ассимиляции. Уже в 1904 г. в стихотворении «Ахэн гам зэ мусар Элоим» («И это действительно Божья мораль») он выразил это опасение в виде резкой критики евреев, посвятивших свое творчество русской культуре. В 1917, будучи со всех сторон окружен революционными лозунгами об освобождении всех народов, Бялик пишет колыбельную, заканчивающуюся словами:

*Поумнеет мой сынок и напишет книги,
Прославит свое имя и продлит свои дни,
И будет настоящим кошерным евреем* [12].

О молодом еврею, со всем энтузиазмом увлекшемся коммунизмом, Бялик сказал: «Каца новая [...], но ею можно отравиться [...]. Это у него скоро пройдет, я уверен» [21. С. 114]. В лекции «Народ и язык» Бялик выразил опасение, что иллюзия свободы подтолкнет еще больше евреев посвятить свои талант и творчество русской культуре: «Теперь, с приходом свободы [...], наша культура становится собственностью всего человечества [...], но с чем мы придем к своей земле, к самим себе?» [6. Т. 1. С. 17, 20].

Отношение Бялика к Октябрьской революции становилось тем хуже, чем быстрее улетучивались его надежды на улучшение условий для образователь-

ной, культурной и литературной деятельности на иврите в России. Он осуждал разрушительное влияние войны и революции на ивритскую печать и на национальный характер российского еврейства. «Война и революция разрушили почти всю издательскую деятельность на иврите в России», — сказал Бялик в 1924 году [Там же. С. 47]. А в 1926 описывал влияние революции на духовную жизнь российских евреев в самых мрачных тонах: «Была у нас в России огромная еврейская община, которая за последние несколько десятилетий превратилась в мощнейшую силу, подобной которой нет ни в одной стране диаспоры [...]. Война и последовавшее за нею ужасное кровопролитие подкосили российское еврейство, и сейчас оно барахтается в обломках разрушения, в своих собственных руинах» [там же. С. 59].

Во время вышеупомянутой беседы с начальником отдела англоязычных стран Комиссариата иностранных дел Бялик высказал резкую критику по поводу ограничений, устанавливаемых новым режимом России на культурную деятельность на иврите. Чиновник попытался убедить Бялика и Клеймана, что сионизм — это только утопия. По словам Клеймана, Бялик ответил следующее: «Мы не верим в успех дерзкого эксперимента, происходящего в России, и для нас это утопия, которой не дано воплотиться. Тем временем страдания народа растут, и часто мы становимся свидетелями жестоких деяний, не имеющих смысла, с которыми наша совесть не может примириться [...]. Особенно скорбит наше сердце при виде беззакония, совершаемого по отношению к нашему языку и культуре, как и ко всему, что свято для нашего народа. Но вместе с тем мы понимаем, что это возвышенный человеческий идеал и дерзкая попытка одним махом покончить со всем злом, живущем в каждом человеке и в каждом народе. Если бы не покушение на вечные ценности вашего народа, мы тоже, вероятно, глядели бы на результаты этого эксперимента со святым трепетом и с замиранием сердца» [19 (Давар, 23.10.1936)].

Во время ночной беседы Бялика и Клеймана с наркомом иностранных дел Чичериным тот спросил их, почему

такие идеалисты и интеллигенты, как они, не хотят участвовать в возведении «чудесного здания, сооружаемого здесь на благо человечества»:

— Как вы не понимаете, что все отрицательное, что вы видите, есть не что иное, как временные явления, а сквозь них просвечивает великая надежда для человечества и для всех народов? Почему вы хотите убежать отсюда в какой-то глухой азиатский уголок, ведь даже если поверить, что вы сможете заниматься там культурной деятельностью, что значит эта деятельность по сравнению с великой работой по обновлению мира, открывающейся перед вами здесь?

В ответ на это Бялик с волнением высказал свой, еврейский, взгляд на революцию, не гнушающуюся никакими средствами для достижения своих целей:

— Извините, господин. Но у нас, евреев, другое мировоззрение. Согласно нашей вере, из зла не может вырасти добро. И мы не сможем поверить в надежду человечества, когда каждый день наблюдаем пролитие невинной крови и жестокое унижение человеческого достоинства.

Клейман испугался дерзости Бялика и попытался смягчить его слова, но, когда речь зашла о языке иврит, Бялик опять вспыхнул:

— Всем народам России вы позволяете упрочиться, хотя бы в культурно-национальном аспекте, и даже помогаете им в этом, и только мы лишены даже примитивного права создавать произведения искусства и литературы на нашем национальном языке.

Когда Чичерин заявил, что не считает иврит национальным языком еврейского народа, Бялик повысил голос и почти закричал:

— Так мы должны жить по вашей указке? [...] Ведь уже сам факт, что вы, а не мы имеем право определять нашу национальную принадлежность и какой из наших языков является национальным, свидетельствует о том, что мы находимся в изгнании и угнетении, об отрицании наших национальных прав! [там же].

Высказывания и эмоциональные реакции Бялика в ночной беседе с наркомом иностранных дел отражают глубин-

ну его обиды за евреев и степень его упорства в защите достоинства своего народа. Очевидно, что отношение к евреям было для него главным критерием при отрицании результатов русской революции.

Бялик прибыл в Палестину в 1924 году после трехлетнего пребывания в Берлине. В августе 1921 г. он участвовал в 12-м Сионистском конгрессе в Карлсбаде и в своей речи описал положение евреев в России как «ад» и «долину смерти» [6. Т. 1. С. 30]. В 1926 г. выступил с резкой критикой Реувена Брайнина за положительное описание жизни евреев в Советском Союзе, что привело к судебному разбирательству в

суде Сионистского конгресса [29]. В 1927 г. в очередном издании Большой Советской Энциклопедии в статье «Бялик» было написано так: «Живет в Палестине, занимается сионистской деятельностью, проводит антисоветскую пропаганду, в частности, против помощи еврейским массам в их переходе на сельскохозяйственную работу в Советском Союзе» [24]. Бялик не держал зла на ивритских писателей, оставшихся в Советском Союзе из-за своей веры в коммунизм. В последние годы жизни он сделал все, что было в его силах, чтобы помочь Хаиму Ленскому опубликовать его произведения в Палестине и получить разрешение на въезд. «Ой-ой-ой, когда придет конец вашим мучениям? Где найдете вы силы вынести все это?» – писал он Ленскому [5. С. 192].

Отношение Бялика к революции как к исторической и политической идее

Скептическое отношение Бялика к русской революции основывалось не только на политических взглядах. Революционная идея была чужда ему еще и с психологической, и с философской точек зрения. По словам Фихмана, «он всегда боялся инстинкта разрушения, заложенного во всякой революции, и ненавидел любую анархию. Дикой свободе он предпочитал несовершенный закон» [32. С. 72]. Он считал хаос врагом свободы как с внешней, так и с внутренней точки зрения [5. С. 21]. Все свидетельства об образе жизни и поведении поэта рисуют человека импульсивного и деятельного, но очень остро реагирующего на нарушения семейных и общественных рамок, если оно способ-

но причинить боль невинным людям. Он был щедр на проявление уважения и благодарности к личностям, обладающим духовным авторитетом (Ахад Ха-Ам, Менделе Мойхер-Сфорим и другие) и боялся внешних и внутренних волнений [27]. В детстве Бялик был бунтарем и нон-конформистом, но, повзрослев, вел консервативный образ жизни, заботился о положительной репутации в обществе и отличался в основном сдержанными и консервативными взглядами. Как в личной, так и в общественной жизни его отличали доброжелательность, скромность и чувство юмора, а также отрицательное отношение к разговору на повышенных тонах и эмоциональной несдержанности. В стихотворении «Бат Исраэль» («Еврейская Дочь», 1902) поэт говорит о себе так:

Была у меня мать, ее память меня хранит,

*Она велела мне побеждать свое сердце,
А сокровища и жемчужины желаний
Молча нести в глубинах его.*

Бялик не принимал участия в общем осуждении мелких и крупных собственников, характерном для большевистской риторики в России и ее отголосков в Палестине. Он ценил людей с практической и коммерческой жилкой и сам проявлял коммерческие способности. М. Бен-Ами писал о нем: «Все его мнения и суждения были пропитаны излишней прозой и практичностью. Казалось, что он изо всех сил старается приобрести качества коммерсанта» [2]. «Для него не было большей обиды, чем выражение сомнения в его рациональности и способности понимать практические и коммерческие вопросы», – свидетельствовал Шломо Цемах [35]. В начатом в последние годы жизни и неоконченном эссе «Человек и его собственность» Бялик анализирует «привязанность человека к своему имуществу» и видит в ней проявление глубоко заложенного фундаментального человеческого инстинкта: связь между первобытным человеком и его имуществом являлась чем-то вроде «священного союза», подобного союзу между мужем и женой, и отголоски этой мощной связи до сего дня продолжают жить в каждом человеке [7]. В этом анализе человеческой природы слы-

пится неверие в саму возможность построить общество, основанное на принципах общего имущества, не ущемляющего фундаментальных потребностей человека.

Хотя в поэзии Бялика и проявлялся страх перед застоём и распадом («Битшувати» – «Когда я вернусь», 1896, «Кохавим мецицим ве-хавим» – «Звезды мерцают и гаснут», 1901 и др.), в стихотворении «Метей Мидбар» («Мертвецы пустыни», 1902) выражается его восхищение силой, заключённой в неподвижности, и неверие в действия, основанные на инстинкте сопротивления, жажде перемен и революционности. В стихах, выражающих оптимистический взгляд на перемены, освобождение представлено не как результат насильственного переворота, а как естественный процесс («Паамей Авив» – «Шаги весны», 1900) или как результат всеобщего усилия («Ла-митнадвим ба-ам» – «Добровольцам из народа», 1900). Поэзия Бялика свидетельствует, что разрушительные импульсы не были чужды его душе, но они всегда описываются как губительные, демонические и опасные порывы, результат глубочайшего разочарования и отчаяния («Аль ха-шехита» – «О резне», 1903, «Давар» – «Последнее слово», 1904, начало поэмы «Мегилат ха-эш» – «Огненный свиток», 1905). «Мегилат ха-эш» показывает Бога Израила ответственным за приступы гнева, разрушение и космическую ломку, вызванные отчаянием и подавленностью. Ему противопоставлен Ангел с ясными глазами, спасающий и сохраняющий остатки святости. Юноше с гневными веками, предсказывающему разрушение и уничтожение, противопоставлен Юноша со светлыми глазами – альтер-эго самого поэта, с его неустанными усилиями спасти и сохранить святой огонь. Кропотливая деятельность Бялика по сохранению еврейского культурного наследия в годы революций свидетельствует о его неприятии насильственного исправления мира. Даже в стихотворении «Гивьолей эштакэд» («Прошлогодние стебельки»), лирический герой которого оправдывает необходимость рубить и сжигать сухие ветки, чтобы дать возможность вырасти веткам новым, рубка веток опи-

сана как действие с демоническим оттенком [34; 25; 37. С. 180–199].

Жестокость и даже «объективный» эгоизм в духе Ахад Ха-Ама («Аль птей ха-сэйфим» – «Колебания», 1910) были чужды темпераменту и сознанию Бялика. Молодому Элиезеру Штейнману, одному из немногих восторженно принявших русскую революцию писателей (он даже пытался основать движение ивритских коммунистов), Бялик сказал: «Само слово «рахамим» (милосердие) своим звучанием, каждой его буквой по отдельности и всеми буквами вместе затрагивает нежнейшие струны нашего сердца и умоляет о милосердии». «Стоит мне сказать Вам шепотом», – и Бялик действительно зашептал мне в ухо, – «слово «сэ» (ягненок), и сразу во мне просыпается жалость» [39]. Такая психологически-идеологическая позиция также объясняет неприятие поэтом жестокости, связанной с революцией. В стихотворении «Эйн зот ки рабат цратону» («Не пришел ли конец нашим бедам», 1903) вспышка еврейской жестокости представлена как реакция отчаяния на продолжительную жестокость со стороны неевреев.

За год до Октябрьской революции Бялик написал эссе «Халаха вэ-Агада», в котором любит Еврейским Галахическим законом и видит в нем, как ни странно, **отцовскую милость** («рахамей ав»), а не обычно приписываемые ему суровость и негодование. В конце эссе он грезит о литературе и жизни, в которых будет меньше «эфемерной симпатии» и больше обязанностей и заповедей. Эссе заканчивается предложением: «Мы склоняем наши шеи. Где железный хомут? Почему не появляются сильная рука и распростертые объятия?» [10]. В этом предложении слышится намек на анархию, царившую в России в период написания эссе, и на тоску Бялика по миру своего детства, в котором существовали непререкаемые авторитеты.

В поэзии Бялика русская революция представлена в идеологической, философской и историософской перспективе, включающей в себя и реакцию на исторические и философские взгляды, распространенные в русской литературе того времени. В отличие от сдержанных идей народников (типа Михайлов-

ского), поддерживавших постепенные изменения в обществе и терпеливое воспитание народа интеллигенцией, идеи русских интеллигентов первого десятилетия XX века черпались в философии Ницше и в апокалиптических теориях писателей-символистов [18, 43]. Следуя за апокалиптической традицией православия и русской литературы (Гоголь, Достоевский и др.), писатели Серебряного века описывали революцию как апокалиптическое освобождение, а жестокость и кровопролитие как необходимый этап апокалиптического хаоса, обнажающего первичные человеческие инстинкты гибели и разрушения. Эти идеи воспринимались и некоторыми из молодых ивритских писателей – сторонников большевистской революции.

В молодости Бялик был учеником и последователем антиреволюционного взгляда на историю, в духе Михайловского и Ахад-Ха-Ама. В его первых националистических стихах (например, «Биркат ха-ам» – «Благословение народа», 1894, «Метей мидбар ха-ахароним» – «Последние мертвецы пустыни», 1897 и «Ла-митнадвим ба-ам» – «Добровольцам из народа», 1900) звучит вера в терпеливый совместный труд народа, не брезгующего повседневностью, не ищущего разовых революционных достижений и не пренебрегающего прошлым, даже если его взгляд обращен в будущее. В других стихотворениях того же периода («Би-тшувати» – «Когда я вернусь», «Ахен хацир ха-ам» – «И правда, народ – трава», «Аль левавхем ше-шамам» – «О ваших опустошенных сердцах», «Давар» – «Последнее слово») еврейский народ показан увядающим, гнивающим и умирающим. Эти стихотворения выражают опасения поэта, что ужасное положение народа невозможно изменить, поэтому любая надежда на изменение исторического статуса – это всего лишь иллюзия.

Бялик сомневался в возможности изменить действительность вообще и в шансы социальной или национальной революции изменить положение народа в частности. В стихотворении «Арвит» («Вечерняя молитва», 1907) поэт смотрит в вечернее небо, видит облака и спрашивает:

Там воздвигаются миры
Иль тотчас разрушаются?
И отвечает:
Нет, там ничего не строится и ничего
не рушится,
И видит око мое:
Это вечер дурацкий идет и сеет свой
прах
По всей земле.

Эти строки напоминают иронические слова, написанные Бяликом Ш. Бен-Циону в период революции 1905 года: «С тех пор, как ты оставил наш народ – не проходит ни одного дня, в котором миры не рушатся и не создаются один за другим. Беспорядок и суматоха, разрушение и сотворение» [5, С. 3]. Некоторые стихи Бялика описывают апокалиптические исторические процессы. Стихотворение «Аль ха-шехита» («О резне», 1903) рисует конец света: мир рассыплется и исчезнет, как гнилой плод, из-за пролитой еврейской крови. В «Гив'олеи эштакэд» («Прошлогодние стебельки», весна 1904) продолжение жизни обусловлено жестокими и бесчеловечными деяниями, а также огромным пожаром, возникшим оттого, что красивая и невинная дочь садовника сожгла сухие ветки. «Давар» («Последнее слово», лето 1904) заканчивается явно апокалиптической картиной: Ангел Смерти оседлал еврейский народ. Очевидна связь с новозаветным стихом: «И вот конь бледный, и на нем всадник, которому имя Смерть» (Отк. 6:8). Вероятно, этот отрывок написан под влиянием поэмы В. Брюсова «Конь Блед». Поэма описывает современную действительность как апокалиптическое откровение и начинается с процитированного стиха из «Откровения Иоанна».

При этом апокалиптические картины в стихах Бялика не соответствуют мировосприятию русских символистов, считавших кровопролитие неотъемлемой частью очищающей и спасительной революции. Наоборот, Бялик категорически не приемлет апокалиптическое восприятие истории, согласно которому зло, жестокость и разрушение являются необходимым этапом на пути к спасению. Несмотря на несомненное знакомство с еврейскими корнями христианской апокалиптики, он считал, что такое мировоззрение противоречит

еврейскому духу, о чем и сказал Чичерину: «Согласно нашей вере, из зла не может вырасти добро». Этот протест особенно заметен в поэме «Мегилат ха-эш» («Огненный свиток»), в которой противопоставляются два вождя: один ведет общество по пути ненависти, разрушения и гибели, а другой – по пути сочувствия и утешения. Молодежь увлекается Юношей с гневными веками и следует за ним к своей гибели, но гнев и разрушение никому не приносят спасения. Бялик последовательно отрицал апокалиптическое мировосприятие, и этим он отличался от поэтов, которые в других отношениях являются его последователями, особенно от Ури Цви Гринберга и Натана Альтермана.

Политика и эстетика

Сдержанное отношение Бялика к революции и революционности связано и с его восприятием своего пути в искусстве. Его ранняя поэзия была вскормлена различными традициями русской литературы XIX века. В ней, например, бросается в глаза трепетное «классицистское» отношение к традициям прошлого и к духовным авторитетам (Моисей, Ахад Ха-Ам, И.-Л. Гордон). Молодой Бялик тосковал по утраченным национальным ценностям, а к выходу за пределы традиционных рамок относился как к поверхностному массовому увлечению («Левади» – «Последний», 1902) или даже как к бесовскому действию («Аль левавхем шешамам» – «О ваших опустошенных сердцах», circa 1900). Склонность молодого Бялика к классицизму выражается и в многочисленных хвалебных одах, посвященных тем или иным личностям или явлениям [22; 37. С. 7-44]. Многие он взял также от русского и немецкого романтизма, хотя его тяготение к романтике привело его в основном к подчеркиванию важности духовного и языкового творчества в процессе национального возрождения, а не к вере в мятежные и бунтарские деяния или в классовые войны. Как романтик – а Бялик частично был романтиком – он верил в «справедливый» и «органический» характер исторических процессов, а не в надморальные детерминистские процессы или апокалиптическую революционность. С самого начала своего пути Бялик осознавал, что меж-

ду личным воображением поэта и его долгом перед действительностью существует определенное противоречие («Ба-аров ха-йом» – «Заложники сего дня», 1895). Но если до 1905 года он относился к воображению как к миру детских снов, в котором нет места взрослому («Гамадей лайла» – «Ночные гномы», 1895, «Зоар» – «Сияние», 1901), то с середины первого десятилетия XX века его творчество выражает желание и право художника укрыться в своем прекрасном мире и оградить себя от событий современности и проблем поколения, включая революционные события.

К восприятию творчества в отрыве от социальной и национальной деятельности Бялик пришел после сближения с эстетикой символизма. Русские символисты первого поколения – Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Федор Сологуб, Константин Бальмонт, Иннокентий Анненский – занимали либеральную, антиреволюционную политическую позицию, и их поэзия была сосредоточена на субъективном мире поэта. В отличие от них, поэты-символисты второго поколения (главным образом, Блок и Белый) занимали позицию общественных пророков и видели в революции необходимый апокалиптический этап на пути к спасению человечества. В русской литературе на рубеже веков, которую принято называть литературой Серебряного века, царили новые ценностные критерии, отдававшие предпочтение эстетическим достоинствам и способности выражать личные переживания в духе декадентства и символизма, а не вкладу поэта в жизнь народа и общества. Большинство писателей Серебряного века относились к революции с определенной сдержанностью или с пессимизмом и, в лучшем случае, видели в ней страшный (но необходимый) этап апокалиптического процесса. «Позитивистские» сочинения на социальные и национальные темы казались им ограниченными и устаревшими.

Когда Бялик открыл для себя символизм? Фихман пишет, что пребывание Бялика в Варшаве с осени 1903 года до конца зимы 1905 года и влияние И.-Л. Переца сделали его взгляды более современными и сблизили с символиз-

мом [32. С. 55]. В разгар беспорядков в Одессе 1905 года Фихман и Бялик вели бесконечные споры о символизме, прогуливаясь по берегу моря [там же. С. 58]. Интерес Бялика к либерально-«декадентскому» символизму Серебряного века начал проявляться в его поэзии уже в 1896-1897 годы и еще более усилился в первое десятилетие XX века [1, 23]. Сближение поэта с модернистскими течениями породило трещину в его имидже «национального поэта» и привело Бялика к созданию поэтических и прозаических произведений на личные, интимные темы, демонстративно далекие от общественных и национальных вопросов. В нижеприведенном отрывке из стихотворения этого периода хорошо заметна попытка поэта укрыться в своем внутреннем мире:

Растет смута в стране, за ее пределом
Буду лежать я недвижим

Сладок по-прежнему свет, и сладка и
благословенна... [11. С. 356].

Дата написания этого отрывка неясна, но, как справедливо заметил Дан Мирон, первая строка указывает на то, что он был написан в период революции или войны [там же. С. 355]. Сходство этого отрывка с описанием одиночества Шмулика в 14 главе поэмы «Сафиях» («Поросль»), написанной в годы первой мировой войны и опубликованной в 1919 г., подтверждает вероятность того, что отрывок написан в период революции. Такое стечение обстоятельств помогает объяснить и то, почему Бялик в период столь бурных политических событий предпочел погрузиться в написание произведений, восстанавливающих события его детства («Ха-хацоцра нитбайша» – «Трубе было стыдно», последние главы поэмы «Сафиях»), и в изучение фольклора.

Однако стремление укрыться в собственном внутреннем мире породило моральный конфликт, ибо отрыв от своего общественно-национального призвания казался ему изменой, и он не был уверен, что способен ее совершить. В поэме «Ха-Брейха» («Пруд»), завершенной в 1905 году, автор задается вопросом, может ли художник быть абсолютно оторванным от событий современности, игнорировать реальный внешний мир, укрываться в башне из слоновой кости и описывать лишь глу-

бины своего воображения (такая возможность не раз описывалась символистской литературой). Пруд, символизирующий оторванный от действительности внутренний мир поэта, описывается, среди прочего, и в «день грозы», и это описание можно понять как аллегория состояния поэта в период войн и революций. Пруд отвечает на грозу тем, что сжимается и дрожит, как ребенок на руках у матери, и наблюдающий за прудом поэт задумывается, за что он опасается больше – за судьбу леса или за собственный покой.

Еще одним интересным свидетельством связи между поэтической и политической позициями Бялика является произведение «Ле-мемшелет хамарш» («Правительству марша») – прозаический отрывок, впервые опубликованный сразу после Октябрьской революции [8] и включенный в 1923 году в «Решимот ки-леахар яд» («Небрежные заметки») [36]. Текст, стиль которого соединяет традицию «очерка» с традицией стихотворений в прозе, описывает попытку сидящего в комнате поэта написать стихотворение. В то время как он колеблется, какой размер – дактиль или амфибрахий – использовать для его написания, с улицы доносятся шумы различного происхождения – у каждого своя особенная музыка. И вот на улицу выходит играющий марши военный оркестр, и поэту кажется, что все уличные звуки отказались от своей особенной музыки и присоединились к массовому шествию в темпе марша. К собственному удивлению, поэт обнаруживает, что и он, сам того не замечая, поддавался влиянию и написал стихотворение в маршевом ритме. Как принято в символистских произведениях, здесь есть два уровня смысла: на поэтическом уровне Бялик описывает свои сомнения по поводу способности художника укрыться в процессе творчества от современности, посвятить себя чистому искусству и быть верным своей внутренней музыке. Он указывает на невозможность полного отключения от музыки, которую Осип Мандельштам называл «шумом времени». При этом автор делает различие между естественной музыкой повседневных звуков, общих и частных, восприятие которой не вредит по-

эту, и агрессивной, искусственной музыкой военного оркестра, навязывающей свое насильственное механическое звучание как поэту, так и всем жителям улицы, берущей их под контроль и уничтожающей их человеческую индивидуальность. На политическом уровне Бялик критикует культуру мысли, слова и действия – ту, которая вносит в жизнь жесткое и грубое механистическое единообразие. Такой ему виделась русская культура периода революции, в стихотворении ощущается критика культа музыки, созданного Блоком под влиянием Ницше.

Несмотря на явное неприятие Бяликом символистской поэзии, его стихи первых двух десятилетий XX века обнаруживают неизбежное влияние русского символизма: все возрастающее сопротивление роли национального поэта, замыкание в мире личных святынь и брезгливое отношение к грубой повседневности и к себе самому. Первые стихи, написанные после нескольких лет молчания: «Ийе хелки имахем» («Да будет моя участь такой, как ваша»), «Ла-менацеах ха-мехолот» («Дирижеру плясок») и «Эхад эхад у-вэ-эйн роз» («Один, один, и невидимо»), – описывают проявления человеческой низости и стремление очиститься от нее. Вероятно, они свидетельствуют о том, что поэту становилось все труднее преодолевать конфликт между восприятием искусства как чисто духовного дела, с одной стороны, и своей низкой увлеченностью сионистской деятельностью, а также собственной литературной карьерой, с другой. Те немногие произведения, которые Бялик написал после 1916 года, свидетельствуют о желании отключиться, насколько это возможно, от занятости в «грязи» общественной жизни и замкнуться в собственном внутреннем мире. Это направление, культивируемое известными поэтами-символистами, которые переводили Бялика на русский язык,

вполне сочеталось с их антиреволюционной политической позицией.

В качестве заключения

Отношение Бялика к революционной идее вообще и к трем русским революциям в частности было большей частью отрицательным, за исключением короткого периода надежд на улучшения после Февральской революции. Политическое неприятие революций явилось в основном результатом разочарования в отношении властей и большинства русского народа к страданиям российского еврейства и к делу возрождения иврита, а также культуры и литературы на иврите в России. Бялик был потрясен явлениями жестокости и насилия, сопровождавшими революцию, и затруднялся принять ницшеанскую апокалиптическую теорию, оправдывавшую насилие и разрушение как необходимый этап на пути к спасению. Эту теорию, распространенную среди писателей и мыслителей символизма, Бялик считал противоречащей еврейскому духу.

Кроме того, Бялик никогда не разделял восторга по поводу революционной идеи как таковой. Как во взглядах, так и в стиле жизни он стремился к сдержанности, практичности и даже к определенному консерватизму, проявлял глубокое почтение к авторитетам и считал своим долгом спасать и сохранять прошлое еврейской культуры. В своем понимании человеческой природы он подчеркивал почти эротическую ценность, придаваемую человеком его собственности, и таким образом проявлял неверие в коллективизм. Бялик верил, что писатель поддерживает дух нации и поддерживает в ней жизнь, но опасался культурного климата, в котором исторические события ставятся превыше духовной жизни творца. Интерес к символизму углублял стремление поэта замкнуться в личном внутреннем мире и его пренебрежение к «шуму времени».

Перевод с иврита Елены Тартаковской.

Примечания

1. Бар-Йосеф Х. Магаим шель декаденс: Бялик, Бердичевский, Бренер (Декадентские контакты: Бялик, Бердичевский, Бренер). Беэр-Шева, 1997.
2. Бен-Ами М. Ишей дорену (Люди нашего поколения). Варшава, 1933. С. 128.
3. Бен-Ишай А. З. Пиркей Украина (Украинские главы). Хе-Авар (Прошлое) 18, 1971. С. 172–173.
4. Бялик М. Пиркей зихаронот (Главы воспоминаний). Тель-Авив : Двир, 1963. С. 29.
5. Бялик Х. Н. // Игрот (Письма). Тель-Авив, 1938-1939. Т. 2. С. 2.
6. Бялик Х. Н.

- Дварим ше-бэ-аль-пэ (Устные выступления). Т. 2. Тель-Авив, 1935. 7. Бялик Х. Н. Диврей сифрут (Литературные эссе). Тель-Авив: Двир, 1965. С. 201–203. 8. Бялик Х. Н. Ле-мемшелет ха-марш (Правительству марша) // Оламейну (Наш мир) / под ред. М. Гликсон. Москва, 1917. С. 209–215. 9. Бялик Х. Н. Ле-раглей ха-декларация ха-англит: михтавим ми-Одесса. (По случаю Английской декларации (Бальфура): Письма из Одессы) // Ха-ам 2 (1-2), 1918. С. 27–29. 10. Бялик Х. Н. Сипурим (Рассказы). Тель-Авив : Диврей сифрут, 1965. С. 62. 11. Бялик Х. Н. Ширим 1899-1934 (Стихи 1899-1934). Тель-Авив, 1990. С. 356. 12. Бялик Х. Н. Шир эрэс (Кольбельная) // Ха-гина / Двухмесячник под ред. И. Альтермана (отца Натана Альтермана) и И. Гальперина (отца Йонатана Ратоша) с участием Я. Фихмана. Одесса. № 2, ноябрь-декабрь 1917. С. 24. 13. Варди Давид Х. Н. Бялик бэ-Москва (Х. Н. Бялик в Москве) // Мознайим 32, 1959. С. 134. 14. Гильбоа И. Лашон омэдэт аль нафша: тарбут иврит би-врит ха-моэцот (Язык стоит на своем: Культура на иврите в Советском Союзе). Тель-Авив, 1977. С. 120. 15. Гликсон М. Маапеха (Революция) // Ха-ам. Приложение к № 8 (15), Москва, 24.2.1917. 16. Гликсон М. Хилуф мишмарот (Смена караула). Одесса; Масуот, 1919. С. 7–10. 17. Динур Б. Арбаим у-шлоша йом ми-Одесса ле-Хайфа: зихронот маса (Сорок три дня от Одессы до Хайфы: Воспоминания о путешествии) // Молад 19, 1916. С. 592–593. 18. Кацис Л. Ф. Апокалиптика «серебряного века»: Эсхатология в художественном сознании // Человек 2. 1995. С. 143–154. 19. Клейман М. Им Бялик ле-Москва (С Бяликом в Москву). Давар, 25.9.1936. С. 14; 2.10.1936. С. 4; 9.10.1936. С. 5; 16.10.1936. С. 3; 23.10.1936. С. 4; 30.10.1936. С. 3; 6.11.1936. С. 4. См. также: М. Клейман. Из недавнего прошлого, наш отъезд из России. Рассвет (Берлин), 1 июля 1923; Бялик. Игрот. Т. 2. С. 198–211; А. Рефаэли (Ценципер), Ба-маавак ли-геула: сэфер хационут ха-русит ми-маапехат 1917 ад ямейну (В борьбе за освобождение: Книга о российском сионизме от революции 1917 до наших дней). Тель-Авив, 1947 [ת"ש"ל]; Ц. Шуали, Нафтулея шель хоцаат сфарим иврит: хоцаат ха-сфарим Двир, 1924-1921 (Похождения ивритского издательства: Издательство Двир, 1921-1924). Дипломная работа. Тель-Авивский университет, 1990. С. 18–22. Автор благодарит Нури Говрин за то, что обратила ее внимание на этот источник. 20. Литай А. Ецият Русия (Отъезд из России) // Ха-арэц (Земля). 15.8.1934. 21. Мейтус Э. Би-мехицатам шель софрим (В кругу писателей). Тель-Авив, 1977. С. 102, 104. 22. Мирон Д. Боа лайла! Йюним бицирот Х. Н. Бялик у М. И. Бердичевски (Приходи, ночь! Анализ произведений Х. Н. Бялика и М. И. Бердичевского). Тель-Авив, 1987. С. 40–42. 23. Натан Э. Ха-дерех ли-метей мидбар (Дорога к «Метей мидбар»). Тель-Авив, 1993. 24. Нусинов И. Бялик Х. Н. Большая Советская Энциклопедия. Т. 8. 1927. С. 499–500. (Цитата приводится в обратном переводе с иврита. Прим. переводчика). 25. Пери М. Хамивне ха-семанти шель ширей Бялик (Семантическая структура стихотворений Бялика). Симан крия. Тель-Авив, 1976. С. 164–165. 26. Равницкий И. Х. Бялик вз-сэфер ха-агада (Бялик и Сэфер Ха-Агада). Кнесет 1, 1936. 27. Равницкий И. Х. Решимот пинкас аль Бялик (Записки из блокнота о Бялике) // Рэшумот (Записки): сборник мемуаристских, этнографических и фольклористских материалов. Тель-Авив, 1946. С. 182–183. 28. Розенталь З. Им Бялик (С Бяликом) // Мознайим (Весы) 2, 1934 [ת"ר"ג]. С. 448–449. 29. Унгерфельд М. Бялик вз-софрей доро (Бялик и писатели его поколения). Тель-Авив, 1974. С. 62. 30. Унгерфельд М. 50 шана ле-фтират Бялик (К 50-летию кончины Бялика) // Мознайим (Весы) 2 (26), 1968. С. 99. 31. Усышкин Ш. Има Одесса (Одесса-мама). Иерусалим, 1984. 32. Фихман Я. Софрим бэ-хаейем (Писатели в жизни), Тель-Авив, 1942. 33. Френкель И. Нэвуа вз-политика: социализм, леумиют ве-иудей Русия, 1917-1862 (Пророчество и политика: социализм, национализм и евреи России, 1862-1917), Тель-Авив, 1989. С. 161–187. 34. Цемах А. Ха-лави ха-мистатер (Спрятанный лев). Тель-Авив : Кирьят сефер, 1976. С. 20. 35. Цемах Ш. Ха-адам им ахерим (Человек с другими) // Кнессет 4, 1939. С. 61. 36. Шамир З. Бэ-эйн алила (Без сюжета). Тель-Авив, 1998. С. 287–288. 37. Ха-шира ме-айн тимацэ: «Арс поэтика» би-цират Бялик (Поэзия растет из ничего: «Арс поэтика» в творчестве Бялика). Тель-Авив, 1987. 38. Шеба Ш. Хозз, брах (Пророк, беги). История жизни Хаима Нахмана Бялика. Тель-Авив, 1990. С. 106. 39. Штейнман Э. Ми-дор эль дор (От поколения к поколению). Тель-Авив : Ньюман, 1951. С. 42. 40. Beizer M. The Petrograd Jewish Obshchina (Kehila), in 1917 // Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe, Winter 1989. P. 14–15. 41. Govrin N. The October Revolution in Hebrew Literature, Jews in Eastern Europe 2 (21), 1993. P. 5–26. 42. Haberer E., Jews and Revolution in Nineteenth-Century Russia, Cambridge 1995. 43. Pyman A. A History of Russian Symbolism. Cambridge, 1994. P. 229–231. 44. Spiegel A.S. A Life in Storm. Jerusalem Tel Aviv, 1963. P. 144.